

Вопрос об адресате «Философических писем» П. Я. Чаадаева в связи с его религиозно-мистическими воззрениями

И. М. Лебедев

преподаватель истории и древних языков, Православная гимназия им. Серафима Саровского.
Россия, г. Дзержинск. E-mail: leb1000.mm@yandex.ru

Аннотация. В статье исследуется вопрос об адресате «Философических писем» П. Я. Чаадаева. В конце XIX в. в науке утвердилось представление о том, что «Философические письма» были адресованы Е. Д. Пановой. На основе анализа источников и исторических фактов делается вывод, что адресатом «Философических писем» не могла быть Панова. В нашей статье высказывается предположение, что адресат «Писем» является вымышленной фигурой, а Чаадаев просто использовал эпистолярный жанр для своего произведения. В исследовании проводится герменевтический анализ текста первого «Философического письма». Предполагается, что Чаадаев взял за образец для преамбулы своего произведения Второе Соборное Послание Иоанна Богослова. Адресатом апостольского послания является Госпожа, как и у автора «Философических писем». Анализ текста Послания показывает, что за фигурой Госпожи по сложившемуся в раннехристианской письменности словоупотреблению скрывается Церковь. Таким образом, делается вывод, что за фигурой Госпожи, к которой обращены «Философические письма», скрывается христианская Церковь. Это предположение согласуется с взглядами и убеждениями философа.

Ключевые слова: П. Я. Чаадаев, Е. Д. Панова, «Философические письма», западничество, славянофилы, «Телескоп».

В октябре 1836 года в пятнадцатом номере журнала «Телескоп» было напечатано первое «Первое философическое письмо» П. Я. Чаадаева. Это небольшое произведение произвело огромный резонанс в российском обществе. Герцен писал, что «Письмо...» было подобно «выстрелу в темную ночь» [4, с. 139]. Другие авторы сравнивали это произведение с разорвавшейся бомбой [7, с. 154; 22]. С появлением письма начинается ряд важных процессов в интеллектуальной и культурной жизни страны. С его «Письма...» «закладывалась печальная традиция негативного восприятия... истории своей страны» [10, с. 39]. Многими отмечается, что Чаадаев «пробудил к активной деятельности общественное сознание» [2, с. 61]. Кроме того, с публикации письма начался знаменитый спор западников и славянофилов.

Важным моментом для понимания философской концепции П. Я. Чаадаева является вопрос об адресате его писем. Этот вопрос представляется нам разработанным недостаточно. Про Чаадаева было написано много научных и популярных статей, монографий, воспоминаний. Однако тот резонанс, который произвели «Философические письма» в русской общественной жизни, выдвинуло на первый план исследований философско-историческое содержание трактата, а также личность самого Петра Яковлевича. Вопрос об адресате писем оказался в разряде второстепенных. По нашему мнению, этот вопрос нуждается в детальной проработке с привлечением не только научной литературы и источников, но и самого текста «Писем» и философских взглядов их автора. В данном исследовании делается попытка рассмотреть вопрос об адресате Чаадаева в контексте религиозных и мистических взглядов философа.

Сегодня в большинстве работ, статей, заметок, посвященных «Философическим письмам», утверждается, что адресатом Чаадаева является Е. Д. Панова. Так, известный современный мыслитель, доктор философских наук Федор Гиренок свою статью о Чаадаеве для сайта rg.ru начинает следующим образом: «Чаадаев написал письмо Кате Пановой, с которого начались его «Философические письма»» [6].

Однако существует и другое мнение. Предполагается, что Панова «вовсе не была адресатом. Чаадаев просто избрал эпистолярную форму для изложения своих взглядов, – что было тогда довольно обычно» [7, с. 154]. Мы согласны с данным положением. Наша гипотеза состоит в том, что фигура адресата является важной составляющей философской концепции Чаадаева. Ключевым моментом чаадаевской историософии является идея Церкви. Герменевтический анализ первого «Философического письма» позволяет сделать вывод о том, что в качестве образца для преамбулы первого из своих знаменитых «Писем» Чаадаев использовал

библейские тексты. Таким образом, вопрос об адресате философических писем должен рассматриваться не только с исторической точки зрения (какому конкретному лицу адресовано письмо?), но и с герменевтической (какое значение имеет фигура адресата для историософской концепции Чаадаева).

Уже в XIX веке в качестве корреспондента Чаадаева чаще всего указывается Екатерина Дмитриевна Панова. Е. Д. Панова, урожденная Улыбашева, была женщиной трагической судьбы. Она происходила из старого дворянского рода, росла и воспитывалась в творческой семье. Ее брат, А. Д. Улыбашев, был членом знаменитого литературного сообщества «Зеленая лампа», в которое среди прочих входил молодой А. С. Пушкин. Сестра Екатерины Дмитриевны, Елизавета Улыбашева, была известной поэтессой. Ее перу принадлежало два сборника стихов, написанных по-французски, пользовавшихся известностью. В 1821 г. Екатерина Улыбашева выходит замуж за В. М. Панова. В 1827 году она знакомится с Чаадаевым, поместье которого находилось неподалеку от дома Пановых. Екатерина Дмитриевна становится другом и собеседником Чаадаева. В тридцатых годах ее отношения с мужем портятся. В 1836 году Е. Д. Панова признана душевнобольной и отправлена в специализированное лечебное заведение. О дальнейшей ее судьбе известно немного. У Пановой не было детей, и после принудительного лечения она живет у родственников и умирает в бедности. Е. Д. Пановой посвящено много литературы. В основном, это мемуары или научно-популярные публикации [3; 8; 9; 21].

Мы считаем, что, несмотря на распространенное мнение, Панова вряд ли могла быть адресатом «Писем». На это указывают два момента: во-первых, несогласие по этому вопросу источников; во-вторых, отсутствие прямых указаний на связь Пановой с «Письмами» (все аргументы в пользу Пановой как адресата «Писем» являются косвенными).

Вопрос об адресате «Философических писем» возник в российской науке и публицистике в конце 50-х годов позапрошлого столетия. Это связано с двумя историческими событиями. В 1855 году умер император Николай I. С его смертью закончилась эпоха цензурного гнета. Уже в первые годы нового царствования замечается рост количества журналов и газет; начинают появляться публикации на темы, которые при Николае I являлись запретными. А в 1856 году умирает сам Чаадаев, и это приводит к появлению в последующие несколько лет огромного количества публикаций, посвященных его памяти. В этих публикациях впервые поднимается вопрос об адресате Чаадаева.

Близкий друг философа М. Н. Лонгинов в своей публикации 1862 года упоминает, что Чаадаев адресовал «Философические письма» Е. Д. Пановой [11, с. 271]. Однако не менее близкий к Чаадаеву И. С. Гагарин указывает в качестве адресата Е. Н. Орлову. А Герцен, который также был знаком с мыслителем, называет имя Е. Г. Левашовой. Таким образом, современники и близкие к Чаадаеву люди называют в качестве возможного адресата «Писем» сразу несколько имен. Если прибавить к этому, что сам Чаадаев, а также его племянник и литературный наследник М. И. Жихарев, которому автор «Писем» завещал все свои бумаги, преуменьшали роль Пановой в жизни философа, то фигура Екатерины Дмитриевны в качестве адресата знаменитого трактата представляется более чем сомнительной [20, с. 568–569]. Но уже к концу XIX века Панова везде называется корреспондентом Чаадаева. В первой научной монографии, посвященной Петру Яковлевичу, книге знаменитого М. О. Гершензона, адресатом «Писем» также названа Панова. После этого имя Пановой упоминается уже безапелляционно практически во всех исследованиях, прямо или косвенно затрагивающих вопрос личности адресата «Философических писем».

Какие же факты свидетельствуют о том, что именно Панова является адресатом знаменитых «Писем»?

Таких фактов немного. И в подавляющем большинстве они являются лишь «косвенными доказательствами». Эти указания собраны в статье А. А. Штейнберга «Пушкин и Е. Д. Панова» [21].

1. Первым из таких косвенных аргументов является письмо Д.В. Давыдова к Пушкину от 23 ноября 1836 г. В нем Давыдов упоминает в связи с делом Чаадаева о некоей *Католичке*. «Но полно; если б ты не вызвал меня, я бы промолчал о нем; я не люблю разочаровывать; впрочем, спроси у Т<ургенева>, который на днях поехал в Петербург, он, может, расскажет происшествие это не так, как я, и успокоит на счет *Католички*» [16, с. 194]. Этот аргумент, однако, даже сам Штейнберг находит неубедительным, поскольку из контекста письма не ясно, о ком идет речь. *Католичкой* Давыдов мог называть и самого Чаадаева, которого очень не любил. Известны его стихи о философе:

Старых барынь духовник,
Маленький аббатик,
Что в гостиных битъ привык
В маленький набатик.

(Д. В. Давыдов. «Современная песня»)

2. Еще одним аргументом в пользу Е. Д. Пановой как адресата знаменитого «Письма» является личное знакомство и многолетняя дружба, связывающая Чаадаева и чету Пановых. Но это тоже вряд ли может быть доказательством того, что «Философические письма» были обращены к ней. Круг знакомых дам Чаадаева был весьма велик. Неспроста Давыдов называет его «старых барынь духовником». Это живое и яркое (как и все стихи Давыдова) свидетельство того, что барыни за советом к Чаадаеву обращались не редко.

3. Филокатолические пристрастия Пановой. Это, конечно, создавало атмосферу духовной близости. Однако вплоть до запрета Александром I деятельности иезуитов в России, в Москве и Петербурге проповедники католичества вели активнейшую деятельность. И среди знакомых и друзей Чаадаева католиков и католичек было много.

4. Четвертый аргумент, который приводит в своей статье Штейнберг, представляется наиболее убедительным из всех. Это общая участь, постигшая Чаадаева и Панову в 1836 году. Как известно, после публикации «Философического письма» в журнале «Телескоп» Чаадаев был признан сумасшедшим. В течение долгого времени его посещали врачи для наблюдения за его психическим состоянием. В таком же положении оказалась в декабре этого года и Е. Д. Панова. «17 декабря 1836 г. Московское губернское правление освидетельствовало умственные способности Екатерины Дмитриевны Пановой по просьбе ее мужа и определило считать ее сумасшедшей и поместить в лечебное заведение» [21, с. 49]. Здесь может возникнуть представление о том, что правительство, преследующее Чаадаева за крамольную публикацию, подвергло ее точно таким же преследованиям. Однако два эти случая друг с другом никак не связаны. В случае с Пановой, судя по всему, приходится говорить о реальных психических отклонениях. Об этом могут свидетельствовать два факта: 1) свидетельство самого Чаадаева. Он признавал Панову психически нездоровой; 2) последнее письмо Пановой Чаадаеву. В этом письме она рассказывает о своих бедствиях, издевательствах, которым подвергал ее муж. Причем описание издевательства, которые приводит Панова, кажутся плодом большого воображения. Панова писала про своего мужа: «Он заключил меня в комнату, где наглухо забил окна и дверь, и через маленькое отверстие, проделанное в стене, мне давали еду, от которой отказались бы и собаки. Часто оставалась я сидеть на полу, без еды и питья, целыми днями погруженная в глубокую тьму, всю мебель убрали, в 10–12 градусов мороза комнату эту никогда не отапливали... Наконец, я почувствовала, что схожу с ума; холод, голод, отчаяние, болезнь – у меня не было больше сил бороться против стольких бед; моей навязчивой идеей стала мысль о смерти» [21, с. 54].

Даже если представить, что все, описываемое в письме, не выдумка воспаленного воображения, то необходимо признать, что дело о сумасшествии Пановой носит не политический, а бытовой характер. Либо она сошла с ума до памятных событий 1836 года, и ее муж просто произвел медицинское освидетельствование своей несчастной супруги.

Как видно, все аргументы в пользу Пановой как адресата «Философических писем» могут быть приняты только со многими оговорками. И совсем странным является тот факт, что сама Панова с «Письмом» вплоть до его публикации не была знакома. Хотя это произведение уже несколько лет ходило по рукам и обсуждалось в салонах. Если письмо действительно предназначалось Пановой, как объяснить тот факт, что его читали и обсуждали в салонах, а сам адресат познакомился с ним посредством журнальной публикации? [20, с. 568].

Объяснить это противоречие можно, обратившись к предположению Гершензона. Его выпущенная еще до революции книга «П. Я. Чаадаев. Жизнь и мышление» стала важнейшей вехой в исследовании творчества знаменитого философа. В этой книге Гершензон выдвигает гипотезу о том, что Чаадаев долго искал подходящую литературную форму для изложения своих идей, но не мог найти. Когда же он написал письмо Пановой (письмо личное, не предназначенное сначала для печати или хождения по салонам), то оказался доволен формой, написал еще несколько писем, и все это превратилось в целый философский трактат. Именно поэтому, если согласиться с гипотезой Гершензона, первое «Философическое письмо» действительно изначально было адресовано Пановой, но так и не было ей отправлено, потому

что стало началом целого ряда статей, в которых Чаадаев изложил свою философско-теологическую систему. «Теперь случайно найденная форма показалась ему настолько удобной и самая работа – так увлекательной, что он, не мешкая, стал продолжать ее» [5, с. 69]. Так личное превратилось в публичное.

Но это опять-таки только предположение. Попытка снять явное противоречие, которое мы видим, когда речь заходит об адресате «Первого письма».

Таким образом, нам кажется маловероятным, что адресатом Чаадаева могла быть Панова. Все аргументы в пользу этого взгляда, как было показано выше, являются косвенными. Также нам представляется маловероятным, что «Философические письма» были написаны для конкретного адресата. В первых публикациях по данному вопросу современников и друзей Чаадаева в качестве его корреспондента указывались разные лица. Это может свидетельствовать о том, что никакого адресата не было, а предположения современников философа вызваны слухами, которыми наполнились столицы после скандальной публикации в «Телескопе». Более правдоподобной представляется версия о том, что Чаадаев просто воспользовался популярной в XVIII–XIX вв. эпистолярной формой. Но даже когда адресат вымышленный, его личность может быть важна. Вопрос о том, кого представлял себе в качестве адресата Чаадаев, может помочь пониманию тех смыслов, которые он вкладывал в свой опус.

Для понимания философа, его концепции и личности, необходимо помнить, что «философское мировоззрение Чаадаева носит ярко выраженный религиозный характер» [12, с. 52]. Учитывая это, можно предположить, что за адресатом может скрываться не конкретное историческое лицо и не вымышленная безликая жительница столицы. Для Чаадаева, его мистически одаренной натуры, фигура корреспондента может быть центральным пунктом всей философской системы.

Нам представляется, что образцом для «преамбулы» первого «Философического письма» стало Второе Соборное послание апостола Иоанна Богослова. Это послание входит в Новый Завет. Нам представляется, что обращение к Даме, с которого философ начинает свой труд, было навеяно первым стихом этого апостольского послания.

Послание апостола Иоанна начинается с обращения к адресату: «Стáрецъ избрáннѣй госпожѣ» (2 Ин. 1:1). Чаадаев как всякий христианин читал Библию. Скорее всего, Чаадаев пользовался либо французским текстом, либо латинским. Для последовательного сторонника католицизма последний вариант представляется более предпочтительным. Если мы обратимся к классическому французскому тексту, то окажется, что слово *Госпожа* (по-гречески κυρία) оставлено там без перевода. В оригинальном греческом тексте читаем ὁ πρεσβύτερος ἐκλεκτῆ κυρία. В классическом французском переводе видим L'ancien, à **Kyria** l'élue. И в том, и в другом тексте, когда речь идет о *Госпоже*, мы встречаемся с одним и тем же словом.

Больше информации для размышления мы получаем, обратившись к латинскому переводу. Естественно, это повсеместно употребительная в католических странах даже во времена Чаадаева Вульгата блаженного Иеронима. Там эта фраза выглядит так: Presbyter electae dominae. Здесь без перевода, наоборот, оставлено слово старец. Но πρεσβύτερος просто принял латинскую форму Presbyter. Это заимствование объяснимо, так как слово *пресвитер* благодаря христианизации перешло из греческого во многие европейские языки. А вот в обращении к *Госпоже* мы видим domina. То есть если руководствоваться латинским переводом Иеронима Стридонского, то ап. Иоанн обращает свое послание к domina. На русский язык это слово можно перевести как *госпожа, сударыня*. А во французском от domina произошло всем известное слово Дама (dame). Соответственно, domina = dame. Именно к *некоей Даме* и адресованы письма Чаадаева. Еще одним косвенным аргументом в пользу влияния Второго Послания ап. Иоанна на Чаадаева является форма слова dame, которую использует философ. Он начинает свое письмо обращением madame. Это madame, как известно, обозначает даму, которая находится замужем. Из текста послания св. Иоанна видно, что и domina, к которой обращается Апостол Любви, также является особой замужней. Таким образом, можно предположить, что Чаадаев решил вместо своей современницы обратиться к адресату св. Иоанна Богослова.

К кому же обращено это послание любимого ученика Христа? По этому поводу в разное время высказывались разные предположения [18, с. 341–343]. Нам представляется верной версия блж. Иеронима Стридонского. Он считает, что это послание обращено к Церкви. То есть к собранию верующих. Авторитет блаженного Иеронима кажется нам наиболее значимым. Во-первых, он представляется нам самым эрудированным из раннехристианских толкователей. Блж. Иероним всегда очень глубоко понимал библейский текст и извлекал из него

те смыслы, которые другие толкователи, именно из-за отсутствия таких глубоких, как у Иеронима, филологических способностей, не замечали. Во-вторых, когда речь идет о библейской экзегезе и истории Древней Церкви, свидетельства Иеронима бесценны, поскольку он работал с огромным количеством источников, которые нам сегодня недоступны. Но самое главное – это значение Иеронима для Чаадаева. Русский философ, будучи религиозным западником, обращался к католической традиции, для которой авторитет Иеронима был важнейшим. Более того, эта традиция развивалась в духе и направлении, заложенных блж. Иеронимом, – одним из авторитетнейших богословов католической церкви. Восточные отцы, иначе трактовавшие Второе Послание ап. Иоанна, были Чаадаеву не интересны и, скорее всего, неизвестны. Таким образом, согласно трактовке, которую Чаадаев только и мог воспринять, ап. Иоанн в своем послании обращается к Церкви. Об этом же свидетельствует и само словоупотребление, которое мы встречаем во Втором Послании.

Возможно, здесь речь идет о церкви какого-то города. Скорее всего, малоазийского, учитывая, что жизнь и проповедническая деятельность ап. Иоанна проходила именно там. Такое словоупотребление встречается у того же ап. Иоанна в Апокалипсисе, где он именуется Церкви по городам, в которых они расположены. «Ангелу Эфесской церкви напиши» (Ап. 2:1); «И Ангелу Смирнской церкви напиши» (Ап. 2:8); «И ангелу Пергамской церкви напиши» (Ап. 2:12). Такое же словоупотребление мы можем найти у других новозаветных авторов, что показывает, что оно было распространено повсеместно. Например, в Первом послании ап. Петра (церковнославянский текст) мы читаем: «Целуют вы яже в Вавилоне соизбранная» (1Пет. 5:13). (в данном стихе *целуют вы* переводится на современный русский язык как *приветствуют вас*) По-гречески: ἀσπάζεται ὑμᾶς ἡ ἐν Βαβυλῶνι συνεκλεκτή. Ни в греческом тексте, ни в церковнославянском переводе, который практически всегда буквально повторяет первоисточник, слова *Церковь* нет. Однако, из контекста и практики словоупотребления раннехристианской эпохи безусловно следовало, что апостол обращается именно к церкви, находящейся в Вавилоне (а на самом деле в Риме. Вавилон, как известно, к тому моменту был давно разрушен, а в раннехристианской письменности название этой древней мировой столицы обозначало Рим). Это нашло свое отражение в переводах Библии на современный русский язык. В синодальном тексте этот стих переводят: «Приветствует вас избранная, подобно вам, церковь в Вавилоне» [1, с. 1214]. Курсивом выделены те слова, которых нет в оригинальном греческом тексте. Почти также и у еп. Кассиана (Безобразова): «Приветствует вас церковь, которая в Вавилоне» [15, с. 715].

Таким образом, за безымянным адресатом скрывается церковь какого-то малоазийского города, а ап. Иоанн пишет от лица своей, Эфесской (скорее всего) церкви. На такое толкование наталкивает последний стих послания: «Приветствуют тебя дети сестры твоей избранной» (2Ин. 1:13). Дети сестры избранной – это христиане церкви (возможно – Эфесской), от лица которых обращается с посланием ап. Иоанн. Дети избранной Госпожи, которой адресовано послание, – это христиане какого-то другого малоазийского города. Такое именование (Церковь – мать, чада – христиане) понятно всем, погруженным в христианскую традицию. Особенно, в традицию древнехристианской письменности. Даже Феофилакт Болгарский – один из авторитетнейших византийских экзегетов, комментируя последний стих послания, пишет: «Некоторые на основании этих слов думают утверждать, что послание сие писано не к женщине, а к Церкви. С тем, кто так думает, я несколько не спорю» [19, с. 199].

Таким образом, если допустить, что текстуальное совпадение между началом письма Чаадаева и первым стихом апостольского послания не случайны, то окажется, что адресатом Чаадаева была не какая-то женщина (реально существовавшая или вымышленная), а Церковь. Церковь как собрание верующих. Только между понятием Церкви для Иоанна Богослова и Чаадаева нельзя ставить знак равенства. Апостол Иоанн, как уже говорилось выше, обращаясь к церкви, подразумевал христианскую общину одного из малоазийских городов. Для Чаадаева Церковь – это, судя по всему, томящаяся в ужасной русской действительности масса верующих.

Это вполне согласуется с внутренними посылами произведений Чаадаева. Анализируя текст «Апологии сумасшедшего» С. А. Нижников отмечает, что Чаадаев в своем творчестве «претендует не только на то, что он познал истину, но и на то, что он является благодетелем, ну если не человечества, то, по крайней мере, России» [14, с. 490]. Это, действительно, так. В воспоминаниях современников образ Чаадаева неразрывно связан с религиозностью, духовностью, мессианством. Недоброжелатели видели в этом образе проявление гордости, бо-

лезненного самолюбия и духовной «прелести» Как, например, Денис Давыдов. Или славянофил П. В. Киреевский, который даже придумал термин «чаадаевщина». Странники Чаадаева (в первую очередь, представители религиозного западничества) видели в Петре Яковлевиче великана духа, просветителя, крупнейшего религиозного деятеля эпохи. Показательны слова Мандельштама о Чаадаеве: «Что бы он ни делал, – казалось, что он служил, священнодействовал» [13, с. 57].

Чаадаев считал себя провозвестником грядущего Царства Божьего. Основная идея его «Философических писем» заключалась в развитии человеческого общества, мировой истории, от низших форм к высшим. С этим связано развитие Духа и высших идей. Идея эта заимствована из немецкой классической философии. Наиболее полно она была раскрыта в «Лекциях по философии истории» Гегеля и «Идеях к философии истории человечества» Гердера. Цель этого развития – построения Царства Божьего на земле. Критикуя иные, отличные от западноевропейского, пути развития, Чаадаев восклицает: «Неужели вы думаете, что эти нелепые отступления от Божеских и человеческих истин низведут Небо на землю?» [20, с. 28]

Низведение Неба на землю – вот главная мысль, главная идея Чаадаева, которую он непрестанно повторяет по ходу своего произведения. Носителем царственного духа выступает Церковь, которой и принадлежит решающая роль в строительстве нового Царства. «Католическая [церковь] никогда не примирится с отпавшими от нее общинами», потому что «одна лишь видимая, осязаемая, изваянная неизменность истины может сохранить царство духа на земле» [20, с. 111]. Нужно отметить, что термин «католическая церковь» имеет у Чаадаева широкий смысл. Это и западное христианство, поклонником которого он был, и, в целом, католическая, вселенская Церковь. Как известно, Чаадаев, несмотря на свои симпатии к западному христианству, до конца жизни оставался православным и принимал участие в таинствах православной Церкви.

Чаадаев писал свое произведение для просвещения Церкви русской, плененной – не только по его мнению, но и по мнению славянофилов – властью и мрачной действительностью. Автор «Писем» ставит перед собой цель пробудить, вразумить, показать путь, по которому нужно идти, чтобы выбраться из того бедственного положения, в котором оказалась его *Дама*. Чаадаев видел свое предназначение в том, чтобы осветить путь к небу, для томящейся в египетском плену Церкви. Церкви не православной, не католической, а христианской, понимаемой Чаадаевым экуменистически.

Именно в этом, по нашему мнению, видел философ цель своего литературного и просветительского труда. Соответственно, «Философические письма» поэтому нужно понимать как трактат в первую очередь религиозный, произведение, в котором вопросы государственные и культурологические стоят на втором плане. Хорошо написал об этом М. О. Гершензон: «Для всякого ясно, что философия истории, изложенная в этих письмах, представляет собою чистейший мистицизм... А за мистической философией истории мы должны предполагать столь же мистическую метафизику» [5, с. 89].

Список источников

1. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета в русском переводе с параллельными местами. М.: Российское Библейское общество, 2010.
2. Богданов А. Русская идея в философских воззрениях П. Я. Чаадаева // Власть, 2011. № 10. С. 61–65.
3. Вильде Н. Корреспондентка Чаадаева // Голос Москвы. 1913. № 94. 24 апр.
4. Герцен А. И. Былое и думы. Собрание сочинений : в 30 т. IX. М. : Изд-во АН СССР, 1956. С.139.
5. Гершензон М. П. Я. Чаадаев. Жизнь и мышление / Гершензон Михаил Осипович. СПб. : Тип. М. М. Стасюлевича, 1908. IV, 321 с.
6. Гуренок Ф. Запад и Восток Петра Чаадаева. URL: <https://rg.ru/2015/04/10/rodina-chaadaev2.html> (дата обращения: 25.09.2020).
7. Зеньковский В. История русской философии. М.: Академический проект, Раритет, 2001. 880 с. (Summa).
8. Кайдаш-Лакшина С. Адресат «Философических писем» // Наука и жизнь, 1979. № 7.
9. Кайдаш-Лакшина С. Сила слабых: женщины в истории России (XI–XIX вв.). М. : Советский писатель, 1989.
10. Киселев А. Ф. Чаадаев и Чаадаевщина // Высшее образование сегодня, 2016. № 6. С. 38–41.
11. Лонгинов М. Н. Рец. на: Oeuvres choisies de P. Tchaadaef / Publ. pour la 1ère fois par le père Gagarin de la CJ. P.; Lpz., 1862 // Русский архив, 1863. № 3. С. 270–271.
12. Лосский Н. О. История русской философии. М. : Советский писатель, 1991.

13. Мандельштам О. П. Я. Чаадаев // Аполлон. 1915. № 6/7. С. 57–62.
14. Нижников С. А. П.Я. Чаадаев: от мифологического образа к реальному лицу // Вестник Российского РУДН. Серия: Философия, 2017. № 4. С. 488–494.
15. Новый Завет на греческом и русском языках. М. : Российское Библейское общество, 2002.
16. Пушкин А. С. Полное собрание сочинений, 1837–1937 : в 16 т. / Ред. комитет: М. Горький, Д. Д. Благой, С. М. Бонди, В. Д. Бонч-Бруевич, Г. О. Винокур, А. М. Деборин, П. И. Лебедев-Полянский, Б. В. Томашевский, М. А. Цявловский, Д. П. Якубович. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937–1959.
17. Тарасов Б. Н. Чаадаев. 2-е изд., доп. М.: Мол. Гвардия, 1990. 575[1] с., ил. (Жизнь замечат. людей. Вып. 670; Избр. сер. В 10 т. Т. 1).
18. Толковая Библия, или комментарий на все книги Ветхого и Нового Завета / Под ред. А. П. Лопухина. Т. 10. Петербург, 1910.
19. Феофилакт Болгарский. Толкования на Деяния святых апостолов и на Соборные послания святых апостолов Иакова, Петра, Иоанна, Иуды. М.: Сибирская благовонница, 2009.
20. Чаадаев П. Я. Сочинения / П. Я. Чаадаев; [Сост., подгот. текста, примеч. В. Ю. Проскуриной; Вступ. ст. В. А. Мильчиной, А. Л. Осповата; Журн. «Вопр. Философии» и др.]. М. : Правда, 1989. 655 с.
21. Штейнберг А. А. Пушкин и Е. Д. Панова // Временник Пушкинской комиссии, 1965 / АН СССР. Отд-ние лит. и яз. Пушкин. комис. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1968. С. 45–55.
22. Pyotr Yakovlevich Chaadaev // Encyclopedia Britannica. URL: <https://www.britannica.com/biography/Pyotr-Yakovlevich-Chaadaev> (дата обращения: 29.09.2020).

The question of the addressee of P. Ya. Chaadaev's "Philosophical Letters" in connection with his religious and mystical views

I. M. Lebedyantsev

teacher of history and ancient languages of Nizhny Novgorod Diocese
of the Russian Orthodox Church Moscow Patriarchate Orthodox Gymnasium n. a. Seraphim of Sarov.
Russia, Dzerzhinsk. E-mail: leb1000.mm@yandex.ru

Abstract. The article examines the question of the addressee of P. Ya. Chaadaev's "Philosophical Letters". At the end of the XIX century, the idea that the "Philosophical Letters" were addressed to E. D. Panova was established in science. Based on the analysis of sources and historical facts, it is concluded that the addressee of the "Philosophical Letters" could not be Panova. Our article suggests that the addressee of the "Letters" is a fictional figure, and Chaadaev simply used the epistolary genre for his work. The study provides a hermeneutical analysis of the text of the first "Philosophical Letter". It is assumed that Chaadaev took as a model for the preamble of his work the Second Conciliar Epistle of John the Theologian. The addressee of the apostolic epistle is the Lady, as well as the author of the "Philosophical Letters". The analysis of the text of the Epistle shows that the figure of the Lady, according to the established word usage in early Christian writing, hides the Church. Thus, it is concluded that behind the figure of the Lady to whom the "Philosophical Letters" are addressed, the Christian Church is hidden. This assumption is consistent with the views and beliefs of the philosopher.

Keywords: P. Ya. Chaadaev, E. D. Panova, "Philosophical letters", Westernism, Slavophiles, "Telescope".

References

1. Bibliya. Knigi Svyashchennogo Pisaniya Vethogo i Novogo Zaveta v russkom perevode s parallel'nymi mestami – The Bible. Books of the Holy Scripture of the Old and New Testament in Russian translation with parallel places. M. Russian Bible Society, 2010.
2. Bogdanov A. Russkaya ideya v filosofskih vozzreniyah P. Ya. Chaadaeva [The Russian idea in the philosophical views of P. Ya. Chaadaev] // *Vlast' – Power*. 2011. No. 10. Pp. 61-65.
3. Vilde N. Korrespondentka Chaadaeva [Correspondent of Chaadaev] // *Golos Moskvy – Voice of Moscow*. 1913. No. 94. 24 Apr.
4. Herzen A. I. *Byloye i dumy. Sbranie sochinenij : v 30 t. T. IX* [Past and thoughts. Collected works : in 30 vols. Vol. IX. M. USSR Academy of Sciences. 1956. P. 139.
5. Gershenson M. P. Ya. Chaadaev. *Zhizn' i myshlenie* [P. Ya. Chaadaev. Life and thinking] / Gershenson Mikhail Osipovich. SPb. Typ. of M. M. Stasyulevich. 1908. IV. 321 p.
6. Girenok F. *Zapad i Vostok Petra Chaadaeva* [West and East by Peter Chaadaev]. Available at: <https://rg.ru/2015/04/10/rodina-chaadaev2.html> (date accessed: 25.09.2020).
7. *Zen'kovskij V. Istoriya russkoj filosofii* [Russian Philosophy History]. M. Akademicheskij Proekt, Raritet (Academic Project, Rarity). 2001. 880 p. (Summa).

8. Kajdash-Lakshina S. Adresat "Filosoficheskikh pisem" [The addressee of "Philosophical letters"] // *Nauka i zhizn* – Science and life. 1979. No. 7.
9. Kajdash-Lakshina S. *Sila slabyyh: zhenshchiny v istorii Rossii (XI–XIX vv.)* [The strength of the weak: women in the history of Russia (XI–XIX centuries)]. M. Sovetsky pisatel (Soviet writer). 1989.
10. Kiselev A. F. *Chaadaev i Chaadaevshchina* [Chaadaev and Chaadaevschina] // *Vysshie obrazovanie segodnya* – Higher education today. 2016. No. 6. Pp. 38–41.
11. Longinov M. N. [Review on: Oeuvres choisies de P. Tchaadaev / Publ. pour la 1ère fois par le père Gagarin de la CJ. P.; Lpz., 1862 // *Russkij arhiv* – Russian Archive. 1863. No. 3. Pp. 270–271.
12. Lossky N. O. *Istoriya russkoy filosofii* [History of Russian Philosophy]. M. Sovetskiy pisatel' (Soviet writer). 1991.
13. Mandelstam O. P. Ya. *Chaadaev* [P. Ya. Chaadaev] // *Apollon* – Apollon. 1915. No. 6/7. Pp. 57–62.
14. Nizhnikov S. A. *P.Ya. Chaadaev: ot mifologicheskogo obraza k real'nomu licu* [P. Ya. Chaadaev: from a mythological image to a real person] // *Vestnik Rossijskogo RUDN. Seriya: Filosofiya* – Herald of the Russian University of Peoples' Friendship. Series: Philosophy. 2017. No. 4. Pp. 488–494.
15. *Novyj Zavet na grecheskom i russkom yazykah* – The new Testament in Greek and Russian languages. M. Russian Bible society. 2002.
16. *Pushkin A. S. Polnoe sobranie sochinenij, 1837–1937 : v 16 t.* [Complete works, 1837–1937 : in 16 vols.] / ed. committee: M. Gorky, D. D. Blagoi, S. M. Bondi, V. D. Bonch-Bruevich, G. O. Vinokur, A. M. Deborin, P. I. Lebedev-Polyansky, B. V. Tomashevsky, M. A. Zyablovsky, D. P. Yakubovich. M.; L. Publ. of AS SSSR. 1937–1959.
17. *Tarasov B. N. Chaadaev. 2-e izd., dop.* [Chaadaev. 2nd publ., add.] M. Mol. Guardia. 1990. 575 [1] p., ill. (Life of remarkable people. Issue 670; Selected ser. In 10 vols., vol. 1).
18. *Tolkovaya Bibliya, ili komentarij na vse knigi Vethogo i Novogo Zaveta* – The Explanatory Bible, or commentary on all the books of the Old and New Testaments / Under the editorship of A. P. Lopukhin. Vol. 10. Petersburg. 1910.
19. *Feofilakt Bolgarskij. Tolkovaniya na Deyaniya svyatyh apostolov i na Sobornye poslaniya svyatyh apostolov Iakova, Petra, Ioanna, Iudy* – Theophylact of Bulgaria. Interpretations on the Acts of the Holy Apostles and on the Conciliar Epistles of the Holy Apostles James, Peter, John, and Judas. M. Sibirskaya blagozvonnitsa. 2009.
20. *Chaadaev P. Ya. Sochineniya* [Essays] / P. Ya. Chaadaev; [Comp., prep. of text, notes by V. Yu. Proskurina; Introd. Article by V. A. Milchina, A. L. Ospovat; Journal "Questions of Philosophy", etc.]. M. Pravda (Truth). 1989. 655 p.
21. Steinberg A. A. *Pushkin i E. D. Panova* [Pushkin and E. D. Panova] // *Vremennik Pushkinskoy komissii* – Annals of Pushkin committee. 1965 / AS SSSR. Department of lit. and lang. of Pushkin committee. L. Nauka. Leningr. Department. 1968. Pp. 45–55.
22. Pyotr Yakovlevich Chaadaev // *Encyclopedia Britannica*. Available at: <https://www.britannica.com/biography/Pyotr-Yakovlevich-Chaadaev> (date accessed: 29.09.2020).